

У их счастья фиалковые глаза и ямочки на щеках

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

К шалостям дочки родители снисходительны

ДЛЯ СЕРГЕЯ И НАТАЛЬИ ГЛАДКОВЫХ мир за окном их однокомнатной квартиры поделен строго на две части: здоровые люди и те, кто по воле судьбы оказался вне активной жизни.

Они с детства инвалиды: церебральный паралич. Наталье страшный диагноз поставили едва ли не в младенчестве. Сергею недуг настиг, когда он уже учился в начальной школе. Про себя ребята не говорят: мы – больные. Они утверждают: мы не такие, как все. И дело даже не в том, что в отличие от здоровых им все дается с гораздо большим трудом: не всегда послушны ноющие от боли руки и ноги, подчас не подвластны собственной воле даже голосовые связки.

Они «не такие», потому что, вопреки жестокому приговору, сами строят свою жизнь и судьбу. Им предрекали одиночество, а они нашли друг друга. Им отказывали в чувстве любви, а они любят. И, наконец, им запрещали рожать ребенка. Но, преодолевая собственные страхи и опасения за малыша, они пошли на самый важный и ответственный в своей жизни шаг. Теперь их маленькое белокурое счастье с глазами цвета фиалки и ямочками на щеках с хохотом носится по крохотной квартирке, заявляя свои права на всеобщее обожание.

Дашеньке уже два с половиной года. Она без умолку щебечет на своем пока только ей понятном языке, лакомясь очередной шоколадкой, едва ли не до макушки вымазывается липкой сладостью; снова и снова, вопреки маминному мягкому ворчанию, разбрасывает по всей квартире своих мишек и лялек... К шалостям дочки родители снисходительны: их кроха дарит ощущение свободы движений, которых, увы, сами они лишены с малых лет. Ей позволяет все! Хотя Сергей иногда заглядывает авторитетно и со знанием дела: пойдет дочка в пятый класс, нужно второго ре-

бенка заводить, чтобы любимца окончательно не заблудилась. Наташа не привыкла перечить мужу по пустякам: в их жизни гораздо больше мест для приложения энергии и эмоциональных затрат. В разговорах же о втором ребенке супруге вообще достаточно многозначительного взгляда, чтобы Сергей шел на пятую: «Да помню я, помню...»

В свое время даже незатейливая процедура пеленания новорожденной Даши давалась им с огромным трудом. Действовать приходилось в четыре руки. Пока один придерживал крохотные ручки, второй «воевал» с непослушными пеленками. Дочурка подрастала, на радость взрослым исправно набирая «пухлявость», а им, в свою очередь, нужно было невероятным усилием воли «укрощать» свойственные их тяжелому недугу двигательные расстройства, чтобы удержать малютку, не навредить ей, нечаянно не выронить. До сих пор Дашутке ногти подстригает бабушка: Наташа опасается поранить. «Растем вместе с ней», – говорит счастливая мама. Сейчас Дашенька ходит в детский сад. И родителям пришлось по возможности рационально распределить свои обязанности. Утром девочку одевает Наташа – ей это проще дается, а отводит в садик Сергей. Вечером за Дашей отправляется уже мама. Сетует: санок у них пока нет, поэтому на путь через два квартала уходит по часу.

– Ходим пешком, – рассказывает Гладкова, – Поднимать мне ее тяжело. Но даже если поднимать, идти с ней не решаюсь. Опасаюсь упасть: ее могу уронить и сама убиться.

Заметила, о чем бы ни рассказывали молодые супруги, в их откровениях нет и намека на трагедию. Они просто знают, что они не такие, как большинство из живущих рядом – здоровых, самодостаточных. Сказать, что в материальном плане семья Гладковых выглядит скромно, – значит, ничего не сказать. Основа их дохода – шесть тысяч рублей пенсии на двоих. Найти источник заработка инвалидам второй группы очень трудно. Еще до декретного отпуска Наташа устроилась гардеробщицей в

одно из социальных учреждений. С утра до вечера и всего за тысячу с небольшим. Отдав дочку в садик, решила выйти на работу, но девочка начала болеть. После пары больничных начальство посоветовало маме вернуться домой. Полсотни без рубля – Дашенькин вклад в семейный кошелек: таков щедрый размер детского пособия. Сергей считает за благо, что его приняли грузчиком в магазин. За пару тысяч он готов таскать ящики с пивом, печеньем, конфетами. Понятно, что каждая копейка у Гладковых на счету. Первоочередное – оплата за квартиру и детский сад. Продукты – строго по привычному лимиту: мясо, куры, макароны, консервы, крупы. Все с расчетом на тридцать дней. Вне зоны экономики только фрукты и сладости Даше. Уже несколько месяцев минусом из семейной казны деньги за кредит. Сначала поставили телефон, потом по острой необходимости поменяли трубы и установили водомеры. За шесть лет супружеской жизни они разжились детской кроваткой, пылесосом и музыкальным центром. Старенькие шкафы, пара диванов и телевизор – вклад родителей Наташи и Сергея. Особенно признательна молодая женщина свекрови: косметический ремонт в квартире, стирка-утюжка для новорожденной Даши – после кесарева сечения Наташе было особенно трудно – многое брала на себя Татьяна Петровна.

– И все же с финансами мы в дружбе, – пытается шутить Сережа. – В том смысле, что у нас все точно по списку. Десятого числа, после получения пенсии, садимся перед «кучей» денег и начинаем мараковать.

Расписаны у супругов и домашние обязанности. В зависимости от состояния здоровья в текущий момент один пылесосит, другой моет пол. Самое травмоопасное – чистка картофеля, нарезка мяса – опять же на том, кто себя лучше чувствует. По магазину стараются ходить вместе: так легче. Хотя признаются: не очень любят появляться на людях. Особенно вместе с дочкой. В толпе прохожих обязательно найдется зевака, который в адрес «странной троицы» – двое таких больных и с ребенком! – что-ни-

будь нелюбезное отпустит, да еще и пальцем ткнет. Сергей иногда сердится на такие выпады, Наташа же старается не обращать внимания. Но все же, по ее признанию, только в стенах своей квартиры она чувствует себя защищенной от недоброго взгляда.

– Все равно мы такие же люди. Да, разговариваем не чисто, ходим не прямо. В детстве это особенно ощущалось. Жилось, как гадкому утенку, – признается Наталья. – Это взрослый может понять, а дети чаще бывают жестокими. Но что можно исправить, если уж мы не такие, как все? Мне 26 лет, а среди людей и сейчас чувствую себя скованно. Заволнуюсь – еще больше начинает трясти. Поэтому я предпочитаю оставаться дома. Моя свобода – в этих стенах.

Нельзя не согласиться, что само понятие свободы для российских инвалидов весьма условно. Да и на поверку нет ее вовсе. Сергей вынужден был получать школьное образование дома. В нашем городе специализированного интерната в то время не было, а родители не хотели отдавать парнишку в другой город. Педагоги же соседней школы – то ли его уберегали от недоброго отношения, то ли не хотели травмировать психику здоровых детей – предпочитали сами приходить к ученику. И все же руководство учебного заведения смилостивилось, когда Сережа слезно попросил взять его на очное обучение. Было трудно: писать быстро не мог, не все знания удавалось ловить на лету. С невероятными усилиями после 11 классов Сергею все же повезло получить специальность фотографа. Но работать по профессии довелось лишь четыре месяца: во время сокращения он первым оказался не у дел. Пару лет «сторожевал» на автостоянке. Наташа после окончания девяти классов в челябинском интернате, опять же ценой невероятных усилий – медкомиссия не пропустила, поступила в индустриально-педагогический колледж. Окончила успешно, но ни дня в этой сфере ей работать не пришлось. Тут одним невезением ничего не объяснить.

Даже день их свадьбы – а зарегистрироваться Гладковы решили, когда Наташа была уже на сносях, – по недоброй иронии случая назначили на третье декабря – День инвалидов.

– С одной стороны, я понимаю, что это случайное совпадение. Но с другой... Видно, судьба у нас такая, – грустно улыбается молодая женщина.

А Сергей, как мужчина, более категоричен: – Для нас два праздника получилось, – язвит он. – Только вот все думаю: какой это праздник такой для больных людей изобрел?

– Да уж, – на сей раз соглашается с ним супруга, – и так каждый день не забываешь, что ты инвалид. Не дай Бог никому такого праздника – это день напоминания о трагедии. Мы еще ничего! Вот «колясочники» и прикованные к постели в гораздо худшем положении. Наверное, в связи с таким особым «праздником» можно говорить о помощи нуждающимся. Но ведь дело не в ней. Я не считаю, что нам все обязаны помогать. Мне, например, вовсе не нужно, чтобы кто-то прибежал и что-то нам пожертвовал. Не надо жертв! Лучше, чтобы здоровые люди просто понимали нас и принимали такими, какие мы есть. А каждый человек – здоровый он или нездоровый – должен жить и добиваться всего сам.

И все же наши герои, Он и Она, чувствуют себя счастливыми: оттого, что встретились однажды и, уверенны, на всю жизнь. А главное, что появилась на свет Даша. Что сбылась самая заветная мечта Наташи: иметь свою семью. Ее мамы рано не стало, жила девушка вдалеке от дома. Да и, строго говоря, мало кому, кроме теперь уже покойной бабушки, была здесь нужна. Сергей же, хоть и был окружен заботой близких, только с женой обрел полное понимание. Потому что оба они с одного и того же берега.

– Мне представляется, у здоровых своя жизнь. Не то чтобы более легкая, но совсем другая, – рассуждает Наталья. – Им легче на работу устроиться, легче просто встать, пойти, что-то сделать. У них возможностей неизмеримо больше. И, тем не менее, люди с крепкими руками-ногами становятся бомжами, спиваются, в любви предаются друг друга. Вон сколько супружеских пар разводится. Это мне кажется странным!

Порой Наталья задумывается: может, здоровые в чем-то даже несчастнее, потому что вместе с немереными возможностями всегда стоят перед сложным выбором и почему-то непременно желают лучшее из лучшего. Вот и суетятся, и рвут друг у друга из рук, завидуют, раздражаются и растрачивают себя по мелочам...

На их берегу Надежды нет места заоблачным мечтаньям. Наташа и Сергей Гладковы верят, что недуг, если и не отступит вовсе, то, по крайней мере, даст возможность вырастить дочку. Им ведь так немного надо для счастья: чтобы дома было уютно, чтобы Дашенька выросла ни в чем не обделенной. А главное – здоровой. Они знают: именно она, их счастье с синими глазами, и есть тот самый «мостик» на недостижимый «другой» берег.

ТАТЬЯНА ТРУШНИКОВА.